

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКО-ЯПОНСКОГО ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ КУРИЛЬСКОГО ВОПРОСА

Иванова А.В.

Научный руководитель – док. ист. наук, профессор

Сибирский федеральный университет

На протяжении всей истории российско-японских отношений территориальный вопрос являлся одним из главных предметов разногласий, особенно обострившихся после окончания второй мировой войны и остающихся актуальными в современности. Собственно, мнение россиян по данному вопросу расходится: одни полагают, что острова, бесспорно, принадлежат России, а представители менее решительного направления в данной полемике высказывают мнения, согласно которым России следует уступить Японии острова, так как «несчастные японцы и так ютятся на малых клочках земли, тогда как России принадлежат столь огромные территории», якобы «мы и так не обеднеем». Не радует тот факт, что высказывая ту или иную точку зрения по представленному вопросу, не многие респонденты могут аргументировать свою позицию, ссылаясь чаще всего на услышанную где-то информацию, чаще всего компилятивного характера, или просто указывают на то, что «данный факт и так ясен, как день!». Явно такая ситуация говорит не в пользу российской стороны: неопределенность и неясность подхода к данной проблеме обуславливает шаткость наших позиций. Мы как будто признаем наличие территориальной проблемы и в то же время никак не можем определиться, что же мы собираемся отстаивать. Все это создает своеобразный вакуум в нашей позиции, который заполняется импровизацией различного рода чиновниками от разных ведомств, участвующих в переговорах с Японией. Но, все же, нельзя отрицать тот факт, что определенная заинтересованность в разрешении русско-японского территориального вопроса в нашей стране существует, пусть она и не выражена столь радикальными методами как в той же самой Японии.

Между тем, напряжение в отношениях между нашими странами существует: договор о мире так и не был подписан со времен окончания второй мировой войны, а его подписание японская сторона увязывает именно с передачей Японии четырех южнокурильских островов и определенными уступками на Сахалине.

Что же привело Японию к пересмотру итогов Великой Отечественной Войны? Ведь после подписания пакта о капитуляции Страна Восходящего Солнца признала себя виновницей в разжигании мирового конфликта и отказалась официально от притязаний на Южные Курилы и Сахалин. Как считает В. Гринюк, огромную роль здесь сыграла незавершенность, «скомканность» процесса пересмотра японцами отношения к колониальному господству и войне, что, видимо, и объясняет то упорство, с которым Япония сегодня продолжает выдвигать территориальные притязания к нашей стране. Уверенности Токио придало изменение позиции по вопросу территориального урегулирования, предпринятое Соединенными Штатами в ходе «холодной войны». Возвращение Южного Сахалина и передача спорных островов Советскому Союзу предусматривались Ялтинским соглашением союзников от февраля 1945 г. Однако в связи с подписанием в 1956 г. Совместной советско-японской декларации Вашингтон использовал все свое влияние, чтобы не допустить заключения мирного договора между СССР и Японией с фиксацией территориального урегулирования по ялтинской схеме.

На протяжении долго периода времени предпринимались попытки урегулирования данной проблемы со стороны обеих держав, но до сих пор не обозначилось никакой ясной тенденции к ее разрешению: Япония упрямо стоит на своем, Россия - как то неуверенно лавирует и избегает прямого ее обсуждения.

«Новое политическое мышление» Горбачева и его последователей в российской дипломатии, действующих в сфере международных отношений во имя «общечеловеческих интересов» привело к опаснейшим геополитическим процессам, взорвало стабильность всей системы международных отношений, в том числе и на Дальнем Востоке. М. Горбачев, подписав в 1991 г. совместное советско-японское заявление, фактически официально признал существование некой «территориальной проблемы», в связи с признанием необходимости пересмотра итогов Второй Мировой войны на Дальнем Востоке по отношению к Японии. То есть в 1991 г. Россия признала реализацию Японией политики некоего «мирного реванша», то есть достижения важных геостратегических приобретений путем переговоров и государственно-политического нажима, а не с помощью военных действий. Последствия этого нового курса не замедлили сказаться в системе русско-японских внешнеполитических отношений: японские реваншистские круги более активно стали выдвигать свои претензии на острова Курильской гряды. Немалую пособническую роль японским ультра-националистам оказывает Запад, включая и правительство США, боящихся стратегического усиления России на Дальнем Востоке.

Так или иначе, для того, чтобы понять, возможно ли в будущем разрешение Курильского вопроса, следует для начала разобраться, чем же важны для нас эти пресловутые четыре острова, в преддверии грядущих энергетического, сырьевого и экологического кризисов.

Для начала рассмотрим военно-стратегический аспект. Через Курильские острова проходят все проливы, ведущие из Охотского моря в Тихий океан. Если Япония получит Кунашир и Итуруп, то под ее контроль полностью попадет пролив Екатерины, через который сможет осуществляться свободный беспрепятственный и неконтролируемый проход противолодочных подводных лодок военно-морских сил США и Японии. Утрата хотя бы одного из островов приведет к нарушениям военной инфраструктуры и целостности единой стратегической обороны на Дальнем Востоке: все-таки не следует забывать, что в 1930-е гг. Курильские острова расценивались милитаристской Японией как непосредственный плацдарм для нападения на Советский Дальний Восток. Кроме того, находясь под японской юрисдикцией, приостровные воды, соответственно, будут закрыты для российских судов, мы. Проще говоря, потеряем выход в Тихий Океан, в связи с чем будет нарушена связь между южными и северными районами Дальнего Востока, а так же потеряна нить, связывающая Россию и страны тихоокеанского бассейна.

Несомненно, важен и тот факт, что при отказе России от стратегически выгодных для нее Курильских островов, это означало бы потерю Россией международного геополитического статуса, нейтрализацию ее как «центра силы» на Дальнем Востоке. Очевидно, что за этим последует расширение геостратегического пространства для военного присутствия Японии и США в непосредственной близости к российским границам. Это означает установление жесткого американо-японского военно-морского контроля. Несложно предположить, даже просто теоретически, что если удовлетворить притязания Токио хотя бы на часть южных Курил, то на этих островах сразу будут размещены объекты систем ПРО И ПЛЮ, направленные против российского Дальнего Востока.

Что касается обеспеченности данных территорий природными ресурсами, то здесь также стоит отметить уникальность региона. Курилы – это поистине кладовая различных полезных ископаемых. Конечно, добыча многих из них для России не окупалась бы должным образом, ввиду сложности разработки столь удаленных территорий. Но тот факт, что на Итурупе был открыт российскими учеными сульфит рения, который является очень редким металлом в природе, не имеющим своих собственных месторождений, говорит о повышенном интересе японских промышленников и бизнесменов к этим островам.

Главную роль в экономике островов играет рыбпереработка, сегодня на дальневосточный бассейн приходится около 80% общероссийского улова. По некоторым оценкам специалистов, добыча морской фауны в этом районе может приносить России около 5 миллиардов долларов в год. Это не только источник питания для российского народа, но и источник валюты от экспорта. Стоимость биоресурсов шельфа Южно-Курильских островов не

поддается фиксированному подсчету, ввиду их практической неисчерпаемости, связанной с высокой продуктивностью здесь биомассы.

Таким образом, передача Курильской гряды влечет за собой потерю 200-мильной экономической прилегающей зоны. Страна лишится огромного богатства, включая значительные природные, минеральные и биологические ресурсы, стратегические проливы и часть ресурсов еще и Охотского моря. Как отмечает ряд исследователей, при передаче островов, Япония будет вправе запретить русским рыболовным предприятиям отлов рыбы в прилегающих водах, значит, придется платить за их аренду, а это обойдется России примерно в 1 миллиард долларов в год. Так же России придется платить за проход из Охотского моря в Тихий океан через отошедшие Японии проливы, что также не улучшит экономического положения нашей страны. Через эти проливы достигается кратчайшее расстояние между портами Хабаровского, Приморского краев и Магаданской области, а также между портами Сахалина и Тихого океаном.

Также важен тот факт, что удовлетворение притязаний Японии в конечном итоге будет означать для России резкое ухудшение не только ее экономических позиций, но и геостратегических на Дальнем Востоке и в Азиатско-Тихоокеанском регионе, имеющем неопределимое значение в мировом развитии в настоящее время и в обозримой перспективе.

Южные Курилы –это только начало. На японских картах, выложенных на официальном сайте префектуры Хоккайдо, обозначены как принадлежащие к Японии уже не только «спорные острова», но и половина Сахалина и Курилы севернее. Несложно догадаться, что аппетиты Японии не ограничатся двумя-четырьмя островами, она может поставить вопрос о всей Курильской гряде и предъявить претензии на Сахалин, что неизбежно может привести к новым военным столкновениям.

Для каждого вступающего в должность премьер-министра Японии стало традицией заявлять о стремлении добиваться решения вопроса о «северных территориях» (как известно, под «решением вопроса» в этой стране понимается только решение, предполагающее передачу островов Японии). Однако эти ритуальные заявления никогда не приводили к реальному усилению японского давления в этом вопросе. Как отмечает ряд исследователей, вопреки некоторым бытующим у нас стереотипам, вопрос о возвращении Южных Курил вовсе не является ключевым для японской внешней политики. Он выглядел таковым во времена «холодной войны», когда во всем привыкший оглядываться на США японский МИД имел очень мало свободы в своих действиях, а вопрос о территориальном споре с СССР был практически единственным, где Япония могла проявить твердость и принципиальность. Но по мере усиления Китая все более ключевой темой для японского внешнеполитического ведомства становятся японо-китайские отношения. По мере же относительного усиления РФ тема спорных территорий, как раз наоборот, отходит на задний план, поскольку требовать острова от сильной России, да еще когда и так забот в регионе хватает, значительно труднее, чем от слабой. Однако, еще раз подчеркнем, проблема сохраняет свою динамику, обостряясь и утихая в соответствии с градусом политических событий в Москве и Токио.

Одной из последних «вспышек» разногласий по поводу Курильской проблемы явился инцидент с посещением президента РФ Д.А.Медведева 1 ноября 2011 Кунашира. Отзывом на данное предприятие стало довольно резкое выступление премьер-министра Японии Наото Кана, когда он назвал ноябрьский визит президента Медведева «непозволительной грубостью». Это выражение, произнесенное за несколько дней до визита министра иностранных дел Японии Сэйдзи Маэхары в Москву, вызвало недоумение и критику российской стороны. Как считают в Японии, оно в значительной степени омрачило атмосферу, в которой протекал визит министра в Россию. Однако, то факт, что отозванный 2 ноября глава японской миссии в России, возвратился в Россию через 2 недели и то, что запланированная на 13—14 ноября встреча Дмитрия Медведева и премьер-министра Японии Наото Кана на съезде Азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества отменена не была говорит о сглаживании конфликтной ситуации. Инцидент ограничился тем, что 13 ноября главы МИД Японии и России Сейдзи Маэхара и Сергей Лавров на встрече в Иокогаме подтвердили намерение

развивать двусторонние отношения во всех областях и договорились вести поиск взаимоприемлемого решения территориального вопроса.

В общем, интерес к «проблеме» как будто есть. И, тем не менее, заявление 14 февраля 2012 года начальника российского Генштаба ВС генерала армии Николая Макарова о том, что Минобороны РФ создаст два военных городка на южных Курильские островах (Кунашир и Итуруп) в 2013 году не вызвало в Японии особенного резонанса. Только на новостных лентах информагентств появились краткие сообщения об этом, причем без комментариев, и узкий круг специалистов по территориальному вопросу получил некоторую пищу для размышления. Столь слабую реакцию можно объяснить по-разному.

Во-первых, можно предположить, что японцы, вслед за многими российскими аналитиками, просто не верят в реальность выполнения второй программы, полагая, что, как и в случае с многими предыдущими программами, запланированные средства так и не будут выделены, либо они просто будут расхищены. Однако специфика территориального спора предполагает на деле преимущество принципиального подхода над чисто экономическим. Иными словами, Япония настаивает на возвращении островов не потому, что их недра богаты полезными ископаемыми, а прибрежные воды - морепродуктами, а потому, что эти острова, по мнению японцев, в принципе должны принадлежать Японии, поскольку она ими когда-то владела, а их последующий переход во владение Советским Союзом юридически недостаточно подкреплен. С точки зрения «страны восходящего солнца», не столь важно, сколько денег российское правительство выделит на развитие Курил, но важно то, что оно вообще выделяет деньги на развитие территории, которую Япония считает своей.

Также важным фактором в постепенном ослабевании интереса японской общественности к проблеме Северных территорий явилось землетрясение 2011 г., на устранении последствий которого Япония сосредоточила все свои усилия. Плюс ко всему сейчас в преддверии президентских выборов правительство Японии понимает, что давить на Россию в отношении принятия определенной позиции по Курильской проблеме не стоит: это может обернуться совсем не в пользу геостратегических интересов страны восходящего солнца. Естественно, что для привлечения избирателей, кандидаты могут пойти на серьезные радикальные заявления касаясь решения вопроса принадлежности спорных территорий, заняв твердую позицию и демонстрируя тем самым жесткий внешнеполитический курс, привлекательно звучащий для патриотично настроенной части населения России.

Именно этими факторами, скорее всего, и объясняется вялая реакция в Японии на амбициозный российский план развития Курил. Надежды на скорое возвращение островов сменились разочарованием и, как следствие, падением общественного интереса к проблеме. В относительно миролюбивом, занятом большей частью внутренними, бытовыми вопросами, далеком от радикализма, сытом японском обществе срыв надежд на скорое возвращение островов вызвал не волну гнева и недовольства (как могло бы случиться, например, на Ближнем Востоке), а ослабление интереса к теме. Видимо, существовавший на протяжении конца 1980-х, всех 1990-х и начала 2000-х гг. очень высокий градус напряжения и интереса к проблеме просто физически невозможно стало поддерживать на прежнем уровне. Особенно после серии «отрезвляющих холодных душ», которыми для японцев стал отказ Ельцина от визита в 1993 г., отсутствие подписанного договора в 2000 г. и разочаровывающий визит Путина в 2005 г. Невозможно сохранять надежду в неизменном виде после того, как по ней последовательно нанесено столько болезненных ударов.

К взаимному счастью, японскому обществу хватило стабильности и рассудительности, чтобы не пойти по пути обострения ситуации. Именно ко взаимному, потому что и Россия, и Япония переживают сейчас относительный упадок на фоне быстро набирающих силу новых мировых и региональных лидеров. Обе страны чувствуют себя неуверенно в активно меняющемся международном окружении. Россия испытывает давление на свои интересы и сферы влияния практически по всему периметру своих обширных границ - не хватало еще активизации подспудных противоречий с Японией... Но ведь и сама Япония находится в похожей ситуации. КНДР постоянно угрожает ей своими ракетами, а теперь - и атомной бомбой, Южная Корея спит и видит, как она обойдет извечных японских соперников в борьбе за мировые рынки

сбыта. Набирающий мощь Китай вообще не может вызывать ничего, кроме глухого беспокойства и смутных опасений, развеять которые нет никакой возможности. На этом фоне испортить отношения с единственным соседом по региону, который не точит, тайно или явно, на Японию зуб - с Россией, - было бы для Японии более чем некстати.

Однако не стоит терять бдительности: то, что Япония после краха надежд на возвращение островов не пошла на обострение отношений с Россией, то, что она так вяло отреагировала на программу развития Курил, - это не признак слабости. Вторая экономическая держава мира слабой быть не может. Скорее, это вопрос политической целесообразности и приоритетов, в какой-то мере политической воли для Японии. Россия, вроде бы удачно для себя решившая (на промежуточном этапе) проблему отягощенных территориальным спором взаимоотношений с Японией, в действительности, сама ничего не решала. Просто сейчас ситуация в мире и регионе, и конкретно в Японии, сложилась так, что потенциал разрастания российско-японских противоречий ограничен рядом обстоятельств. Но эти обстоятельства - вовсе не результат достижений российской политики. Они вообще касаются России лишь косвенно.

Все-таки те явные и неявные «успехи» в политике на дальнем Востоке зависят сегодня не от искусности и изощренности российской дипломатии, а скорее от удачного стечения обстоятельств, что, конечно, очень приятно, но возникает вопрос: удастся ли нам и впредь успешно решать свои внешнеполитические задачи только за счет везения и просчетов своих контрагентов?

Отсутствие серьезной напряженности в отношениях с Японией не должно расслаблять и успокаивать. Узловая проблема наших взаимоотношений по-прежнему остается не только неразрешенной, но и весьма далекой от разрешения. И интенсивно заниматься поиском путей ее возможного решения нужно не тогда, когда проблема станет «ребром», а именно сейчас, когда обстоятельства благоприятствуют созданию относительно спокойной атмосферы для ведения диалога по этому вопросу. Когда и Россия, и Япония озабочены не столько отношениями между собой, сколько своим беспокойным международным окружением. И, значит, когда проблемы двусторонних отношений предстают перед ними в их истинном масштабе, предполагающем возможность их разумного разрешения, а не в качестве краеугольного камня всей внешней политики, что столь часто замутняет сознание договаривающихся сторон.